

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

В.Н. ТОПОРОВ
Святость и святые
в русской духовной
культуре

Том II

Три века
христианства на Руси (XII–XIV вв.)

Память о Преподобном Сергии:
И. Шмелев — «Богомолье»
(Приложение V)

ББК 86.372-3
Т 58

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 96-04-16267

Топоров В. Н.

Т 58

Святость и святые в русской духовной культуре. Том II.
Три века христианства на Руси (XII-XIV вв.). Приложение V.
Память о Преподобном Сергии: И. Шмелев – «Богомолье». –
М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 48 с.

ISBN 5-7859-0067-X

ББК 86.372-3

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su)
the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk)
has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства
Школа «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая
фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0067-X

© В. Н. Топоров, 1998
© А. Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика.
Культура», 1995
© В. П. Коршунов. Оформление серии, 1995

ПРИЛОЖЕНИЕ V

ПАМЯТЬ О ПРЕПОДОБНОМ СЕРГИИ: И. ШМЕЛЕВ — «БОГОМОЛЬЕ»

Началась русско-японская война. Офицерам полка, расквартированного в Рязани, предстоял дальний путь в Маньчжурию. Их жены были в волнении и тревоге. Одной из них, Е. Ф., приснился Сергей Радонежский. Он сказал ей: «Отправляйся пешком в Троицу. Помолись, купи иконки и, вернувшись, раздай их всем, кто уходит на войну». Так все и было сделано. Не удалось отдать иконку жениху лучшей подруги Е. Ф. Кати Глазко, дочери известного генерала: он был в отъезде... Единственный из тех, кому предназначались иконки и до кого иконка Сергия не дошла, кто не вернулся с войны, был именно он. Она навсегда осталась одинокой.

Голодные годы в начале 30-х, во время коллективизации. Серебряные оклады с икон давно снесены в торгсин в обмен на жалкие боны, а сами иконы каким-то странным образом исчезли из дома. Ребенок, играя в мяч, закатил его в дальний угол комнаты, куда — и тоже не без труда — можно было пробраться лишь ползком: столик, диван на низких ножках, невысокий шкафчик с коробом радио преграждали путь в угол. Но преграды были все-таки преодолены, и там, в самом углу, была обнаружена большая, в окладе, икона: суровый и всепонимающий лик был изображен на ней. Когда с недоуменным вопросом икона была показана взрослым, они, явно недовольные раскрытием тайны, чуть замешкавшись, сказали,

* По ряду причин это Приложение V, завершающее книгу «Святость и святые в русской духовной культуре», том II (М., 1998), не могло быть включено в нее, и тем самым последняя, наиболее подробная часть книги осталась бы без своего естественного завершения. Сейчас это упущение восстанавливается публикацией Приложения. — Тексты «Богомолья» цитируются по изданию: *Иван Шмелев. Богомолье*. М., 1997 (ср. также: *И. С. Шмелев. Лето Господне. Богомолье*. Статьи о Москве. М., 1990).

Приложение V

что это о с о б е н н ы й святой, самый большой из русских, и назвали его имя, слышанное ребенком и ранее, но только с того момента вошедшее навсегда в его сознание.

Из семейной хроники и воспоминаний детства

«Богомолье» Ивана Сергеевича Шмелева писалось, несмотря на небольшой объем этого произведения, полтора года — с июня 1930-го по декабрь 1931-го — вдали от России, но в память о ней. Думается, что само писание «Богомолья» было для автора мучительным и радостным одновременно: мучительным, потому что все это было утрачено раз и навсегда; радостным, потому что само это писание было воспоминанием-восстановлением и одновременно переживанием сладчайшего из того, что было в той, иначе как в воспоминании, невозвратимой жизни. Конечно, воспоминание о дорогом и к тому же безвозвратно утраченном чревато соблазном идеализации, некоего положительно преувеличенного описания прошлого. Но это идеальное вовсе не непременно победа соблазна над воспоминателем. Он сам, исполнившись духа любви и той цепкости памяти и зоркости зрения, которые в счастливые минуты дарует эта любовь, приобретает особый дар рельефного и полного видения того, что было, применение которого и есть само по себе восстановление лучшего и наиболее ценного в этом миновавшем прошлом, второе, более обостренное, переживание и тех частных, которые остались в памяти, и самого духа, который придает единство, полноту и смысл этим частностям и который может быть уловлен, прочувствован и описан только уже после того, как все это утрачено, и не ребенком, все это некогда пережившим, но зрелым человеком, печально, со стесненным сердцем, но и с глубокой благодарностью за все, что некогда было, прощающим с дорогими воспоминаниями.

Иван Ильин в своей статье о «Богомолье» И. С. Шмелева говорит о том, что в этом произведении он «продолжает свое *дело бытописателя* «Святой Руси»», и добавляет:

Руси, — народа простого и душевно открытого, благодушного и уветливого, прошедшего с молитвой и верой великий и претрудный путь исторических страданий и осмыслившего свою земную жизнь как служение Богу и Христу.

И далее, хотя и с меньшей очевидностью и с большим субъективизмом:

Это не преувеличение: «Святая Русь»... Прошли, канули безвозвратно в историю темные годы религиозной слепоты и глухоты, когда эти чудесные слова выговаривались с иронической, кривой усмешкой... Русская интеллигенция учится и научится произносить их иначе — с глубоким чувством, цельно и искренно: и сердцем, и разумом, и устами, и во-

лею. «Богомолье» Шмелева даст это внутреннее прозрение и видение; не видение-призрак, не иллюзию, а подлинную реальность во всей ее очевидности. Он выговаривает здесь некую *великую правду о России*. Он высказывает и показывает ее с тою законченною художественною простотою, с тою ненарочитостью, непреднамеренностью (*desinvolto*), с тою редкостною безыскусственностью, которая дается только художественному акту предельной искренности. Сила этой искренности такова, что расстояние от художника до его образов и расстояние от его образов до читателя преодолевается и снимается совсем: *всё* угасает, *всё* забывается, все условности «авторства», «литературности», «чтения»; реально только *богомолье* — горсть людей, ведомых вдаль, к Преподобному, и путь, ведущий и приводящий их к Н е м у. Какая художественная и духовная радость — забыть себя и найти их! Как *легко* эта радость дается! Какая *творческая сила*, какое зрелое мастерство скрыто за этой легкостью!

Вероятно, не со всем здесь сказанным можно согласиться вполне. Бок о бок с великой правдой в России существовала, а в XX веке и набрала страшную силу неправда — и не как отсутствие правды, бесправдие, а как активное, агрессивное и деструктивное начало, как К р и в д а, затмившая ту великую правду о России, о которой говорится выше и которая действительно жива и сейчас. XX век, как, пожалуй, никакой другой в истории России, оправдал ситуацию, описанную в «Стихе о Голубиной Книге»: прение Правды и Кривды кончилось тем, что Правда вынуждена была уйти на Небо, а Кривда воцарилась на Руси — с тем только дополнением, что сонмы праведников, носителей Правды, стали жертвами Кривды здесь, на Земле.

Но в «Богомолье» речь идет о святой Руси, о том подъеме святости, который связан с богомольем, обновлением, духовным очищением, с тем праздником души, который «выражает самое естество России — и странственное, и духовное [...] способ быть, обретать и совершенствоваться [...] *ее путь к Богу*» (И. Ильин), на котором открывается ее святость. Тот же автор — и в этом отношении к нему, конечно, присоединяется и Шмелев — хорошо знает, что понятие и образ святой Руси таят в себе соблазны, которые могут открыть ложный путь — к гордыне, к сознанию собственной исключительности, к недооценке или умалению «чужой» святости. Поэтому он особо повторяет то, что, строго говоря, вытекает из всего хода его рассуждений и из шмелевского «Богомолья».

Русь именуется «святою» не потому, что в других странах нет святости; это не гордыня наша и не самопревознесение; оставим другим народам грешить, терять, искать и спасаться по-своему. Речь о Руси [...] Русь именуется «святою» и не потому, что в ней «нет» греха и порока; или что в ней «все» люди — святые... Нет.

Но потому, что в ней живет глубокая, никогда не истощающаяся, а по греховности людской и не утоляющаяся *жажда праведности*, мечта